

мнѣ кажется, можно сдѣлать только тотъ выводъ, что старыя *k* и *g* въ новомъ положеніи передъ небными гласными звучали въ произношеніи извѣстномъ Геннингу какъ *t* и *d* съ очень сильнымъ смягченіемъ, причемъ за ними слышались еще характерныя для смягченныхъ взрывныхъ согласныхъ шумы, образующіеся при переходѣ отъ полнаго соприкосновенія органовъ рѣчи къ тому положенію, которое требуется условіями образованія слѣдующаго звука; эти шумы образуются въ томъ случаѣ, когда органы рѣчи послѣ взрыва, характернаго для взрывныхъ согласныхъ, принимаютъ нужное для образованія слѣдующаго звука положеніе не сразу, вслѣдствіе чего можетъ образоваться между ними узкая щель, въ которой выдыхаемый воздухъ и подвергается тренію (см. Sievers, *Phonetik*⁴, § 457). Мягкія *t* и *d* изъ мягкихъ *k* и *g* извѣстны и въ діалектахъ русскаго яз. (см. напр. Соболевскій, Лекціи по исторіи русскаго языка², стр. 116). Что касается написаній другихъ памятниковъ, то они въ общемъ подтверждаютъ мое мнѣніе. Въ самомъ дѣлѣ, написанія *tseh*, *tch*, *dsch*, встрѣчающіяся въ словаряхъ Пфэффингера, Домейера и Копенгагенскомъ, равно какъ и *tsc*, извѣстное изъ словаря Домейера, нисколько не свидѣтельствуютъ въ пользу того именно, что въ живомъ языкѣ существовали дѣйствительно чистыя *tš* и *dž*. Эти словари представляютъ извѣстную зависимость другъ отъ друга, на которую указали Ягичъ и я въ прошлогоднемъ отчетѣ; по моему мнѣнію, они восходятъ къ общему источнику, отличавшемуся отъ записей Геннинга. Связь между ними сказывается и по отношенію къ разбираемымъ написаніямъ, которыя, однако, являются не исключительно (въ отдѣльныхъ случаяхъ являются и написанія 1-го типа съ *j* и даже одинъ *j*, *g*). Естественно думать, что сочетанія буквъ *sch*, *ch*, *sc* въ положеніи послѣ *t*, *d* передаютъ тотъ же звукъ, который передается и буквами *j*, *y*, *g*: и та, и другая система графики въ сущности не отличается точностью.

Если мы обратимся теперь къ болѣе восточнымъ говорамъ, то не найдемъ никакихъ указаній на такое измѣненіе старыхъ